

ГОЛОВКО Олег Федотович

Бамовский поэт, член Союза писателей СССР (1974).

Родился 1 сентября 1940 в с. Рахны-Собови Винницкой области Украинской ССР. Окончил факультет автоматики, телемеханики и связи Томского института инженеров железнодорожного транспорта, работал по специальности на Западно-Сибирской железной дороге. В 1965 вернулся на Украину, работал преподавателем, журналистом, зам. начальника Кременчугской дистанции сигнализации и связи Южной железной дороги. В 1974 приехал на БАМ. В Тынде возглавлял отдел энергетики и связи Дирекции строительства БАМа и руководил литстудией «Звено». Печатался в коллективных сборниках «Автограф века» (Иркутск, 1975), «Магистраль» (М., 1977), «Стыковка» (М., 1984), «Золотое звено» (Тында, 1999), «Цветы багульника» (Новосибирск, 2004), в журнале «Дальний Восток» (1977, № 10), в лит.-художеств. сборнике «Приамурье моё – 1977». Один из основателей Амурской писательской организации. В 1979 вернулся в Кременчуг. Автор нескольких книг на русском и украинском языках. Умер в Кременчуге (Украина) 10 июня 2016.

СОЧИНЕНИЯ:

Радио на сосне. Томск, 1963

Стежка до рідної хати. Київ, 1968

Поїзди надії. Київ, 1984

Струны тайги. Харьков, 1988

Благодарствую, БАМ!: Стихи // Приамурье-2005: Литературно-художественный альманах

«Я отца не пытаю про жестокость войны...»: Стихи (пер. с укр. Игоря Игнатенко) // Приамурье-2015: Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРА:

Игнатенко И. Д. «Так учись же подниматься...» // Игнатенко И. Д. Избранное. Т. 3. Благовещенск, 2012

Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 110–112

* * *

Мою судьбу топтали сапогами,
Меня сжигали в Копище дотла,
Но над моими мёртвыми врагами
Весной трава, ликуя, проросла.

И вызрела победа из печали,
И смысл следы врагов моих апрель,

И песни материнские звучали,
Мою оберегая колыбель.

И мать моим дыханием дышала,
Твердила заклинание:

— Живи!

И мне судьбу с рожденья замешала
На ненависти нашей и любви.

* * *

А чия то хата
Соломою крита?
А чия то мати
Долею убита?

Ой, моя то мати
Сивину сшила,
Хоч і тая мати
Не мене родила.

* * *

Я отца не пытаю
Про жестокость войны —
Всё по шрамам читаю,
По снегам седины.

Вечно носит с собою,
Словно пламени знак,
Он автографы боя,
Документы атак.

Мне поведали шрамы,
Как на огненный дот,
Беззаветно, упрямо
Шли солдаты вперёд.

Лишь осколки тревожат
И зимой, и весной,
Боль отцовскую множат
Той далёкой войной.

Он заснёт — снова танки
Набирают разгон —
И в смертельной атаке
Поднимается он.

Перевод с украинского И. Игнатенко

ДЕСАНТ НА КУВЫКТУ

Спешу на прощанье, девчонка, обняться.
В промёрзшие трубы трубят трубачи.
Теплушки дымятся,
Полозья искрятся
И в триста лошадок режут тягачи.

Не надо, не надо, девчонка, рыданий —
Поверь, он не сможет забыть о тебе.
Уходят, уходят мои кувыктяне
Навстречу таёжной тревожной судьбе.

Не прав, кто тайгу собирался осилить, —
С тайгой подружиться пришли мы сюда.
Была бы любовь да была бы Россия,
А юности дело найдётся всегда.

Не надо, не надо, девчонка, рыданий,
Слеза замерзает, гляди, на лету.
Уходят, уходят мои кувыктяне,
А следом бураны метут и метут.

ГОРОД

А. В. Гончарову

Среди сопок, среди кочек,
Средь морозной тишины
Будет стройка — наша строчка
В биографии страны.
Будет город — наша гордость,
Наша ярость, наша злость,

Будет город, новый город,
Где сначала довелось
Сдвинуть скалы, чтобы шпалы
Утвердить на мерзлоте,
И до чёртиков усталым
Падать замертво в постель.
Сквозь верхонки кровь сочилась,
Выпадал топор из рук,
Но встречать не приходилось
Нам достойнее наук!
И дома росли упрямо,
И на каждом доме щит,
Где — «Даёшь столицу БАМа!»
И «Вперёд — на Беркакит!»
Необжитыми местами,
В центре века — не в глуши,
Свадьбы топали унтами,
Появлялись малыши.
Шли десантники в походы,
Не сдавались, как в бою,
Чтобы город твой похожим
Был на молодость твою!

* * *

Мы старую Тынду сносили,
Трещали строенья по швам,
А бабы вокруг голосили
По этим столетним домам,
По этим сараям горбатым,
Берёзкам в зелёном дыму
Да по тротуарам дощатым,
Что как половицы в доме.
Попали под снос огороды,
Что были в своей красоте
Воистину чудом природы
На вечной земной мерзлоте...
Одумайся, автор проекта,
Простор-то какой — погляди!

Жестокую ленту проспекта
От этих домов отведи.
Но, мари сдвигая и пади,
Мы с болью, а всё-таки шли
Бульдозерной поступью — ради
Грядущего этой земли.
А вслед на берёзовых ветках
Беспомощно из темноты,
Бездомные волею века,
Светили глазами коты.

ХАРИУС

Я в речке Тынде хариуса брал.
На перекате брал.
На короеда.
По пояс в ледяной воде стоял,
Все радости рыбацкие изведав.
А поплавок пускался в пляс опять,
Душа за ним порывисто летела.
Над вечной мерзлотой, как благодать,
Черёмуха отчаянно белела.
Уменьшился весь мир до поплавка,
До светлого заветного мгновенья,
Когда с подсечкой выхватит рука
Каскады серебристого свеченья.
И осознал я сердцем, что люблю
Природу эту, добрую и злую.
Но хариус тогда ушёл в Гилую,
Не ведая, что мы идём к Гилую.
Он не простил, что мы в лесной глуши
Неправильно свой нужный труд вершили,
Что в речке мыли тысячи машин,
Колесами черёмушник губили.
Что нет у нас доверья и добра
Для каждого растения и зверя.
.....
Я в речке Тынде хариуса брал,
А мне теперь никто уже не верит.

УЛИЦА ДИОГЕНА

Николаю Коршунову

Не отгадаете сразу,
Впервые сюда попав:
Что это — нефтебаза?
Или цистерн состав?
Между берёз и кочек,
Красный надев наряд,
Девять железных «бочек»
Стали на лыжах в ряд.
Входите в них без опаски,
Смотрите — трубы дымят.
Спасибо, волоколамский
Завод, за эти дома.
Солнышко автогеном
На сопке срезает снег,
Улица Диогена,
Прописана ты во мне.
Здесь, где первые шпалы
Да первых линий столбы,
Сроднилась дорога к Байкалу
С дорогой нашей судьбы.
Мы жили светло. Не юлили.
И как подобает бойцу,
Мы слово «подлец» говорили
Открыто в глаза подлецу.
На просеках пилы пели,
Десанты шли в глубь снегов,
И параллели скрипели
От наших упругих шагов.
А вслед колея, сверкая
В упрямой этой глуши,
Шла обновленьем края
И обновленьем души.